

— Человек может быть беден, но дух его должен быть высок... — Гу Шэн, казалось, испытывал сильную боль, закрыл глаза и дрожащим голосом добавил, — Поколения нашей семьи были чисты, мы не унижаемся перед властью имущими.

Прут Мэйсян замер в воздухе, а затем с ненавистью опустился:

— Гу Шэн.

— Когда ты называешь меня мамой, я не могу смотреть, как ты губишь себя. — Мэйсян упёрла прут в плечо Гу Шэна, словно пытаюсь передать всю свою боль, разочарование и гнев через него. — Лю Мян не признаёт меня матерью, и я думаю, что это моя вина, что я заставила его с детства учиться подхалимству, заставила его унижаться. Но ты другой. Как ты мог стать таким? Я злилась на тех, кто сплетничает, но ты...

Гу Шэн слегка приподнял ресницы.

Он открыл рот, но произнёс только:

— Гу Шэн принимает наказание.

Он почти публично признал всё. Мэйсян, только что отведшая взгляд, резко посмотрела на его лицо. В следующую секунду она словно обезумела, бросила корзину и схватила скамейку. Женщины в доме, увидев, что она собирается делать, бросились к ней, пытаюсь удержать.

— Мэйсян! Нельзя! Нельзя бить!

— Успокойся! Не злись! Разве он мог что-то сделать?

— Ох, оставь скамейку! Оставь!

— У меня нет такого подлого сына! Убирайся! Убирайся! Человек может быть беден, но дух его должен быть высок, он не должен унижаться перед властью имущими! Всё разрушено! Всё!

Мэйсян была в отчаянии, её измождённое лицо покраснело, зубы стучали от гнева. В порыве ярости она, обычно слабая и больная женщина, смогла вырваться из рук женщин, подняла скамейку и с силой ударила Гу Шэна по спине.

Все замерли, держа Мэйсян и глядя на Гу Шэна, который стоял на коленях. Удар скамейкой мог запросто убить человека.

Гу Шэн наклонился в сторону и выплюнул кровь!

— Братец! — Лин-эр, увидев тёмно-красную кровь, заплакала, её ноги подкосились, и она чуть не упала. Она поползла к Гу Шэну, схватила его за рукав и, рыдая, смотрела на него, не зная, что делать. — Братец... Братец...

— Лин-эр, отойди! Сегодня я убью этого бесстыдника! — Мэйсян закричала, её младшая дочь, никогда не видевшая её в таком состоянии, ещё крепче схватила Гу Шэна за рукав.

Женщины, увидев, что Мэйсян собирается снова ударить, испугались, что на этот раз она убьёт его. Старшая в деревне, тётя Гуань, крикнула:

— Сяофан, Эршэнь, выведите Мэйсян в дом! Ох, не бейте! Посмотрите на себя, выдержите ли вы это! Быстрее, заберите скамейку! Эй, Мэйсян! Мэйсян!...

Женщины, наконец, пришли в себя, одни держали Мэйсян, другие уговаривали её. Лин-эр, всхлипывая, прижалась к Гу Шэну, пытаясь помочь ему подняться:

— Братец, братец... ты... ты в порядке, братец?

В это время Мэйсян потеряла сознание, и её с трудом занесли в дом. Гу Шэн, опираясь на локоть, медленно поднялся, не глядя на испуганные глаза Лин-эр. Он слегка наклонил голову, аккуратно снял её руки со своей руки и вытер кровь с губ, спокойно сказав:

— Я предал мамины наставления, и если она хочет бить меня до смерти, я заслужил это.

Лин-эр, глядя на его бледное лицо, отчаянно замотала головой, но Гу Шэн, слегка кивнув, прервал её:

— Со мной всё в порядке, мама больна, иди в дом.

— Нет, я... — Лин-эр оглянулась, не зная, что делать, слёзы текли по её лицу. — Но братец, а ты... что с тобой будет?

Гу Шэн коротко улыбнулся, и эта мимолётная улыбка на его бледном лице выглядела пугающе.

— Я справлюсь сам, иди...

Неожиданно Мэйсян, похоже, пришла в себя, и женщины, которые только что занесли её в дом, начали выходить, чтобы продолжить стирку. Но одна из них недоглядела, и Мэйсян снова вышла из дома, полная решимости продолжить избиение.

Женщины растерялись, но в этот момент дверь двора с грохотом распахнулась, и раздался гневный голос:

— Что вы тут делаете?!

Голос мужчины, полный ярости, прозвучал как гром среди ясного неба, наполняя воздух ледяным холодом.

Все в доме вздрогнули и обернулись. Гу Шэн же продолжал сидеть, его худое лицо было напряжено, на щеках виднелись следы от сжатых зубов.

Цзян Чэн ворвался в дом.

Цзян Чэн только что вернулся от Цзян Чжия, и ярость кипела в нём.

Его отец, старый господин Цзян, отчитал его, и Цзян Чжия был настолько зол, что, казалось, готов был оторвать ему уши. Причин было две: во-первых, он выстрелил в Шэнь Вэньчана.

Выстрел не причинил серьёзного вреда, но стрелять в лицо влиятельному милитаристу — это нечто, что обычный человек не мог себе позволить. Если бы не высокое положение семьи Цзян, Цзян Чэн в ту ночь мог бы не вернуться домой.

Во-вторых, его старший брат, которого с детства готовили как преемника, сбежал. Семья Цзян обыскала весь Сюньчжоу, но не смогла найти его. Мать Цзян, госпожа Сун, рыдала, едва не потеряв сознание, и Цзян Чэн молча терпел отцовские упрёки.

Старый господин Цзян ясно дал понять, зачем он вызвал его домой: его старший брат больше

не мог быть надеждой, и если Цзян Чэн, ныне единственный оплот семьи, не справится, то столетнее наследие Цзянов будет разрушено. Но Цзян Чэн всё эти годы только бездельничал и ничего не понимал в делах. Чтобы быстро укрепить свои позиции в Цзиньчжоу, ему нужно было как можно скорее заключить союз с семьёй Шэнь, чтобы предотвратить вмешательство других семей.

Но вместо того, чтобы вести себя смирно, Цзян Чэн устроил этот беспредел. Старый господин Цзян был в отчаянии, называя его недостойным сыном и глупцом, который в такое время устраивает такие дела.

Цзян Чэн был на грани взрыва, ему хотелось наброситься на отца. Он провёл более десяти лет в полевой армии Цзинбэя, сражаясь с реальными врагами, и это называлось «бездельем»? Он просто ошибся в нескольких строках классического текста и не поступил в военную академию, но разве его работа в армии была менее важной, чем роль его брата, который только болтал в штабе? Он начал строить свои связи ещё в академии, и если бы не госпожа Сун, которая настояла на его отъезде за границу, он бы уже за два года справился с семьями Шэнь, Сун и Е, и ему не понадобились бы эти брачные узы.

Госпожа Сун рыдала по своему старшему сыну, пока не начала кашлять кровью, а старый господин Цзян зло смотрел на Цзян Чэна, который был на грани взрыва, но сдерживался.

В конце концов, этот сын не был родным, и его не любили по-настоящему.

Кто знает, о чём думала госпожа Сун, когда та умершая при родах наложница оставила ей этого несчастного сына.

Цзян Чэн с утра был в плохом настроении, но всё же думал о Гу Шэне. Он терпеливо ждал два часа, прежде чем смог уйти под предлогом, и мчался к театральному кварталу, полный злости. Подъезжая, он услышал шум из двора неподалёку, где кто-то кричал имя его возлюбленного, потом всё стихло, и только слышались рыдания. Цзян Чэн, не зная, куда выплеснуть свою ярость, выглядел мрачным и угрожающим.

Машина ещё не остановилась, как он выпрыгнул и бросился к задней двери. Он с силой распахнул дверь и увидел женщину, которая издевалась над его любимым. Его сердце, которое он даже боялся лишний раз коснуться, чтобы не причинить боль, стояло на коленях на грубых каменных плитах двора, словно это были его собственные колени.

Кто посмел тронуть его человека? Кто осмелился кричать на Гу Шэна и поднимать на него руку?

Разве они думали, что он, милитарист Цзинбэя, мёртв?!

Цзян Чэн, который терпел всю утреннюю ярость, больше не мог сдерживаться. Его глаза покраснели, лицо исказилось от злости, и он, не раздумывая, схватил ближайшую скамейку с отломанной ножкой и с силой опустил её на женщину.